

Николай Семёнович Лесков

Геральдический туман

Николай Лесков

Геральдический туман

«Public Domain»

1895

Лесков Н. С.

Геральдический туман / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1895

«...На сих днях вышла книжка покойного Карновича о родовых прозвищах. Это сочинение так же интересно, как прежнее превосходное исследование названного автора о замечательных богатствах частных лиц в России. Критиковать настоящим образом новый труд Карновича трудно. Это мог бы разве сделать человек, способный соперничать с самим автором в удивительном трудолюбии, систематичности и памяти, но теперь недород на таких людей, да нет и места, где бы можно было печатать обстоятельные и подробные критические разборы. Таковы теперь времена и таковы нравы, а потому любопытная книга о прозвищах, конечно, не дожидется скоро основательного критического разбора. Другое дело – поговорить по поводу ее о том же самом, что в этой книге так интересно затронуто...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

9

Николай Семенович Лесков

Геральдический туман

(Заметки о родовых прозвищах)

Всякий имя себе в сладостный дар получает.
Феокрит.

На сих днях вышла книжка покойного Карновича о родовых прозвищах.¹ Это сочинение так же интересно, как прежнее превосходное исследование названного автора о замечательных богатствах частных лиц в России. Критиковать настоящим образом новый труд Карновича трудно. Это мог бы разве сделать человек, способный соперничать с самим автором в удивительном трудолюбии, систематичности и памяти, но теперь недород на таких людей, да нет и места, где бы можно было печатать обстоятельные и подробные критические разборы. Таковы теперь времена и таковы нравы, а потому любопытная книга о прозвищах, конечно, не дожидается скоро основательного критического разбора. Другое дело – поговорить по поводу ее о том же самом, что в этой книге так интересно затронуто. Это нынче принято, и, в сущности, это в своем роде бесполезно, потому что все-таки восполняет общую картину и кое-что иллюстрирует и объясняет.

Самое характерное в изображенной Карловичем родовой картине – это недостоверность родословий и общее стремление так званной русской знати производить себя от иностранцев. Такой общей слабости заплатил дань даже и сам царь Иван Грозный, который тоже гнушался русской породы и сочинял себе происхождение от именитых чужеземцев.

Давно чувствовалось и казалось смешным верить во многие русские родословия, но Карнович многое в этом роде уяснил, доказал и дал средства о многом догадываться и искать дальнейшего. Без сомнения, догадки Карновича для многих не получают доказательности и нашего геральдического тумана не рассеют, но именно по тому самому, кажется, теперь и прилично будет вспомнить, кто что знает подходящего для освещения туманных картин русского именитства.

Это притом же может быть сделано в простой и самой неумолимой литературной форме кратких воспоминаний и заметок.

Кичливость происхождения «от древних родов» присуща совсем не одной родовой знати. «Выскочки» и так называвшиеся со введения откупов «прибыльщики» тоже отличались большим желанием «сочинять себе небывалые роды». И поныне множество «разночинцев», не прославленных никакими высокими заслугами, любят кичиться своим сомнительным происхождением. Это не дивно, но странно и удивительно то, что многие из таковых лиц, кичащихся своим прозвищем, имея уши, не слышат, что у них есть множество однофамильцев несомненно чисто русского и притом самого простонародного происхождения. Из старых знатных родов я никогда не встречал однофамильцев в простонародии только у одних Щербатовых. Есть Щербаковы, Щербачовы, даже Щербатые, но Щербатовых никогда не встречал. Остальные все имеют однофамильцев, и потому геральдические изыскания о том, каким иностранцем занесено их известное родовое прозвище, всегда более или менее смешны и сомнительны.

Попробуем отметить насчет этой родovitости то, что многими простыми и наблюдательными людьми было примечено ранее изыскания Карновича. Начнем хоть с родословья

¹ «Родовые прозвания и титулы в России и слияние русских с иноземцами» Е. Карновича. СПб., 1886. (Прим. автора.)

Потемкиных, идущего будто бы из Польши. Пусть так, допустим, что у «князя Тавриды» предок был «вольный шляхтич польский», а не «битый русский холоп», но от какого бы чужого корня ни производили себя князья Потемкины, а в России как будто помимо их прародителя есть очень много мужиков, которые тоже носят как раз эту самую фамилию. Сведение это можно подтвердить даже справкою в петербургском адресном столе, так как у моих здешних знакомых было две кухарки по фамилии «*Потемкины*», и притом одна из них называлась «Татьяна Борисовна», крестьянка Ямбургского уезда. «Потемкины» улицы и особенно «Потемкины переулки» есть в очень многих городишках, где никогда никому не приходило заботы чествовать государственного деятеля екатерининского царствования наименованием улиц и переулков по его фамилии. «Потемкины переулки» получили такое название оттого, что в них *темно, потемки*. Также о бедных дворах, где иногда зимою «без огня сидят», – говорят: «Что это у вас *потемкин двор*», «*это из потемкина двора*». А далее обитатели этого двора станут уже совсем *Потемкины*.

Вот и вся история, а чтобы ее расцветить в благородном тоне, придумывается геральдическая басня, и «пустоплясы элозят перстом по герольду».

«*Толстые*», по мнению многих, тоже непременно русского и притом самого простонародного происхождения. Это можно видеть и по усиленно простонародным обличьям многих почтенных лиц, носящих эту фамилию.

Таковы, например, покойный граф Алексей Константинович и особенно ныне здравствующий Лев Николаевич.² К тому же Толстых очень много, и они не только не все графы, но даже не все и дворяне. Есть Толстые торговцы и ремесленники. Кто, например, не знал в Москве знаменитого в свое время часовщика Толстого? В г. Кромах у церкви св. Никитин жил отставной солдат Толстой, и он был наилучший набойщик, производивший на весь уезд знаменитые набойки и крашенины, которые «не боялись «и пару, ни щелоку». Их так и звали «толстовские набойки». Я позволил бы себе выразиться точнее так, что Толстые, вероятно, пошли из тех мест Орловской или Тульской губернии, где люди в разговоре *окают*, а не *акают*. Где *окают*, там и ударение переносят на о, и потому говорят: «он такой чистой да такой толстой». Где же много ребят или много девок с одинаковыми именами (например, Ваньки, Таньки), – там сами товарищи или подруги избегают кликать друг друга по крестному имени, потому что много Ванек и Танек, и «не разобрать, которых надобно». Вот, «чтобы лучше разобрать», ребята же сами и дают сверстникам прозвища: «*рябая*», «*круглая*», а парень – «*тощой*», «*толстой*». Прозванный так по своей внешности парень или девка вырастают, а кличка остается с ними и не только сопутствует на всю жизнь тому, кто ее получил, но и становится родовой фамилией идущего от него «нового отводка». Отводки же эти в крестьянстве делаются через разделы часто, и к сожалению, кажется, даже слишком часто (об этом хорошо пишет Энгельгардт). Когда двор разделяется, часто является и новое прозвище. Был, положим, двор Хлоповых, и всех из этого двора так и звали «Хлоповы», но с тем как происходит дележ, то брат, остающийся на месте, продолжает быть Хлопов, а того, который

² Нерусское обличье из Толстых находили у покойного музыкального критика Феофила Матвеевича (Ростислава), но это несправедливо: вся его шиловатая фигура и особенно выражение его лица поразительно напоминали «Моркотуна», крепостного господского музыканта, тип которого и был им недурно описан (см. «Моркотун»). Коверкают или неумышленно переделывают прозвища не одни простолудины, а и люди высшего общества. Нечто подобное, и притом очень характерное, было с упомянутым сейчас псевдонимом Феофила М. Толстого, что и известно многим живущим людям. Псевдоним Ф. Толстого был «Ростислав», но кн. Андрей Бярятинский совсем неумышленно его переделал и раз в присутствии живых поныне свидетелей сказал ему:– Ты знаешь, я тебя люблю, и то, что ты пускаешься в литературу и водишься с писателями, – бог с тобою, но я не могу тебе простить: для чего ты подписываешься «Брандахлыст»? Ф. М. этим обиделся, но искренность кн. А. Б. заставила его простить ему это дружеское замечание, так как оказалось, что «никогда ничего не читавший» кн. Б. и подпись «Ростислав» поленился «прочитать в подробности», а взглянул на нее «поверхностно» и потом долго скорбел: зачем друг его и приятный в обществе человек подписывается «Брандахлыст». (Прим. автора.)

отвелся в «отводок», начинают уже кликать *по кличке*. Звали этого Ваньку «рябой», «толстой», или «мертвой», – так уж ему и пойдет от этого «звание». И вот являются Толстые, Рябые и т. д. От этих же отводков идут и такие фамилии, как Мертваго, Живаго, Веселаго и т. п. Все это после иногда выдается за *нерусское* происхождение, но если добросовестно поискать, то откроется кое-что и русское... Есть даже фамилии или прозвища, по-видимому, совсем не русского, а чужеземного корня, но как поищешь да посравнишь, то и в этих случаях многое переходит на русскую долю.

Как на анекдот в этом роде, укажу на довольно распространенную в России фамилию, звук которой таков, что все слышат в ней *нерусское* происхождение и даже прямо чувствуют в ней происхождение *итальянское*. Эта фамилия, о которой я говорю, есть *Алферьевы*. Их очень много везде, и в Петербурге, и в Москве, и в Орле, и в Киеве. Были из Алферьевых писатели, поэты, профессора, генералы, но больше всего чиновники и мелкопоместные. Канцелярия старого московского сената считала одно время у себя «целое племя» Алферьевых, хотя некоторые из тех Алферьевых были между собою не родня, а только однофамильцы. Было по Москве много еще и других Алферьевых, и все они были *не* старые родовитые *дворяне*, а из чиновников и отчасти из «колокольных дворян», то есть из духовенства. Некоторые из Алферьевых, разумеется, получили «дворянское достоинство» по «ассессорскому чину», но старого, «родового дворянства», или особенно дворянства «не по грамоте», – в родах Алферьевских нет. Между линиями же Алферьевых один московский отводок отличался образованностью и другими хорошими качествами, и тут были усвоены уже некоторые приемы родовитой знати. Эти Алферьевы (тоже не дворяне) были по мужской линия Серге и Иваны, а по изотчеству Ивановичи и Сергеевичи, а женщины Анастасии и Елисафепы (так: Елисафепы). Один из них, Василий Сергеевич, печатавший стихи и посвящавший их «своей Гурлиньке», слыл даже за очень ученого, каковым, впрочем, кажется, не был. Он был чиновник какого-то московского отделения и по русской привычке свое дело считал за неинтересное, а любил заниматься тем, что до него не касалось. Так, например, он, кроме поэзии, любил *геральдику* и сам был немножко похож на геральдического льва, но женат был на своей служанке. Он «выводил роды» сам или, кажется, при посредстве какого-то московского сих дел мастера. Тогда было сильное геральдическое поветрие, и «выводить родословные» составляло занятие очень благородное и прибыльное.

Тогда были на это и сих дел мастера. Приходит, бывало, какой-нибудь «из прибыльщик» к этакому мастеру и говорит:

– Вытравь ты из меня народное пятно и сведи с старым родом, и озолочу.

И озолачивали.

Надуть «выводчика» было невозможно, потому что тот владел всем секретом фальшивой родословной и сейчас же мог «пугнуть доносом», а тогда все и пропало.

Учеными московскими изысканиями род Алферьевых был произведен от «знаменитого итальянца Альфиери». И это всем показалось так вероятно и так очевидно, что всяк этому верил и многие посейчас еще верят.

Моя матушка происходила из этого рода Алферьевых, и мы с детства привыкли знать, что «Алферьевы итальянского происхождения». О дяде моем, недавно скончавшемся профессоре Киевского университета С. П. Алферьеве, который был смолоду недурен собою, так и говорили, что в нем «видна тонкая итальянская порода». (Он имел мелкие черты ярославского типа.) И везде, где я ни встречал Алферьевых благородного звания, все они охотно сказывались «от Альфиери», хотя все они между собою не родня и пришли от небытия на свете в различных местах общероссийского рассеяния. Моих московских дедов: Петра Сергеевича, Ивана Сергеевича и ученого Василья Сергеевича иногородние Алферьевы и слыхом не слыхали... Как так повсеместно размножился в России италианец Альфиери, словно

еврейский Коген, что и не счесть его потомков?.. Долго я этого понять не мог, но случилось мне раз в уездном городке Пензенской губернии, по названию Городище, встретить на оконной ставне надпись: «портново-Алферьев», и тут я получил вразумление. Сначала я был смущен, за что потомки Альфиери засланы в такую далекую глушь и стали здесь так низко, но дело разъяснилось совсем не так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.